

Александр Островский

Не все коту масленица

Annotation

«Бедная, но чистенькая комната. В глубине дверь в переднюю; слева от зрителей дверь во внутренние комнаты; с той же стороны, ближе к зрителям, диван; перед ним стол, покрытый цветною скатертью; два кресла. На правой стороне два окна с чистыми белыми занавесками; на окнах цветы, между окон зеркало; ближе к зрителям пальцы...»

- [Александр Николаевич Островский](#)

- [Сцена 1-я](#)

- - [Явление первое](#)
 - [Явление второе](#)
 - [Явление третье](#)
 - [Явление четвертое](#)
 - [Явление пятое](#)
 - [Явление шестое](#)
 - [Явление седьмое](#)
 - [Явление восьмое](#)

- [Сцена 2-я](#)

- - [Явление первое](#)
 - [Явление второе](#)
 - [Явление третье](#)
 - [Явление четвертое](#)
 - [Явление пятое](#)
 - [Явление шестое](#)
 - [Явление седьмое](#)
 - [Явление восьмое](#)
 - [Явление девятое](#)
 - [Явление десятое](#)

- [Сцена 3-я](#)

- - [Явление первое](#)
 - [Явление второе](#)
 - [Явление третье](#)
 - [Явление четвертое](#)

- [Сцена 4-я](#)
 -
 - [Явление первое](#)
 - [Явление второе](#)
 - [Явление третье](#)
-

Александр Николаевич Островский
Не все коту масленица
(Сцены из московской жизни)

Сцена 1-я

Лица:

Дарья Федосеевна Круглова, вдова купца, 40 лет.

Агния, ее дочь, 20 лет.

Ермил Зотыч Ахов, богатый купец, лет 60.

Ипполит, его приказчик, лет 27-ми.

Маланья, кухарка Кругловой.

Бедная, но чистенькая комната. В глубине дверь в переднюю; слева от зрителей дверь во внутренние комнаты; с той же стороны, ближе к зрителям, диван; перед ним стол, покрытый цветною скатертью; два кресла. На правой стороне два окна с чистыми белыми занавесками; на окнах цветы, между окон зеркало; ближе к зрителям пальцы.

Явление первое

Круглова (на диване); Агния (у окна грызет кедровые орехи).

Агния. Погода-то! Даже удивительно! А мы сидим. Хоть бы погулять куда, что ли!

Круглова. А вот, погоди, дай срок, сосну полчасика, пожалуй, погуляем.

Агния. Кавалеров-то у нас один, другой – обчелся, гулять-то не с кем.

Круглова. А кто виноват? Не мне же ловить для тебя кавалеров! Сети по улицам-то не расставить ли?

Агния. Разве вот Ипполит зайдет.

Круглова. И то, гляди, зайдет; день сегодня праздничный, что ему дома-то делать! Вот тебе и кавалер; не я искала, сама обрящила. Вольница ты у меня. Ты его как это подцепила?

Агния. Очень просто. Шла я как-то из городу, он меня догнал и проводил до дому. Я его поблагодарила.

Круглова. И позвала?

Агния. С какой стати!

Круглова. Как же он у нас объявился?

Агния. Позвала я его, да после. Стал он мимо окон ходить раз по десяти в день; ну, что хорошего, лучше уж в дом пустить. Только слава.

Круглова. Само собой.

Агния. Все говорить?

Круглова. Да говори уж заодно.

Агния *(равнодушно и грызая орехи)*. Потом он мне письмо написал с разными чувствами, только нескладно очень...

Круглова. Ну? А ты ему ответила?

Агния. Ответила, только на словах. Зачем вы, говорю, письма пишете, коли не умеете? Коли что вам нужно мне сказать, так говорите лучше прямо, чем бумагу-то марать.

Круглова. Только и всего?

Агния. Только и всего. А то что же еще?

Круглова. Много очень воли ты забрала.

Агния. Заприте.

Круглова. Болтай еще.

Входит Маланья.

Явление второе

Круглова, Агния, Маланья.

Маланья (*говорит медленно*). Шла я тут-то по вулице...

Круглова. Так что ж?

Маланья. Так он... Как его?

Круглова. Кто, он-то?

Маланья. Как, бишь, его?.. В суседях-то...

Круглова. Что же?

Маланья. Да нешто их тут всех... Много их. Такой черноватый...

Круглова. Седой, что ли?

Маланья. Да, седой. Что я!.. А я черноватый...

Круглова. Ахов, что ли?

Маланья. Надо, что он... Ахов его... что ли. Большой такой...

Круглова. Среднего росту?

Маланья. Да, пожалуй, что и так.

Круглова. Ну, что же он? Проснись ты, сделай милость!

Маланья. Что проснись!.. Не походя я сплю, а когда время... так что кому! Кланяйся, говорит.

Круглова. Немного ж ты сказала.

Маланья. Что ж мае еще говорить? (*Уходит и сейчас же возвращается.*) Да, забыла... Зайду, говорит.

Круглова. Когда?

Маланья. Кто ж его... Мне почем знать? (*Уходит и возвращается.*) Да! Из головы вон... Нынче, говорит, зайду. Ахов он, что ли, прозывается? Черноватый такой...

Круглова. Седой весь?

Маланья. Да и то седой. Эка память! Господи! (*Уходит.*)

Явление третье

Круглова и Агния.

Круглова. Нашу слугу Личарду только послом посылать. Растолкует дело, как по-писаному. Как начнет толковать, так точно у ней в голове-то жернова поворачиваются.

Агния. Этот ваш Ахов дядя Ипполиту?

Круглова. Да, дядя.

Агния. Вот придет, помешает нам гулять идти. Зачем это он?

Круглова. Кто ж его знает! Вот что значит богатый-то человек! Распостылый он мне, распостылый, а все-таки гость. Никакого мне от него барыша нет, и не ожидаю; а как ты ему скажешь, миллионщику: поди вон! Вот какое дело! И какая это подлость в людях, что завели такой обычай – деньгам кланяться! Вот поди ж ты. Отыми у него деньги, вся цена ему грош; а везде ему почет, и не то что из корысти, а как будто он в самом деле путный. Отчего это не скажут таким людям, что не надо, мол, нам тебя и со всеми твоими деньгами, потому как ты скот бесчувственный. Да вот не скажут в глаза. Женщины на это скорей; кабы только нам разуму побольше. И что это он к нам повадился?

Агния. Должно быть, влюблен.

Круглова. В кого?

Агния. Да я так думаю, в вас.

Круглова. Не в тебя ли?

Агния. Ну, какая я ему пара! А вы, маменька, в самый раз. – Что ж, богатой купчихой будете. Чего еще приятнее.

Круглова. Да и кажется... Господи-то меня сохрани! Видела я, дочка, видела эту приятность-то. И теперь еще, как вспомню, так по ночам вздрагиваю. А как приснится, бывало, поначалу-то, твой покойный отец, так меня сколько раз в истерику ударяло. Веришь ты, как я зла на них, на этих самодуров проклятых! И отец-то у меня был такой, и муж-то у меня был еще хуже, и приятели-то его все такие же; всю жизнь-то они из меня вымотали. Да, кажется, приведишь только мне, так я б одному за всех выместила.

Агния. Уж будто бы?

Круглова. Уж потешила бы свою душеньку; да не приходится. А и то сказать; что хвастать-то! Душа-то у нас коротка, перед деньгами-то,

пожалуй, и растаешь. Проклятые ведь они.

Агния. Особенно коли их нет.

Круглова. Ну, я спать пошла.

Агния. С богом.

Круглова уходит.

Явление четвертое

Агния, потом Ипполит.

Агния (*втянув в окно*). Опять мимо ходит. Что это у них за манера. (*Открывает окно и кланяется.*) Что, вы потеряли что-нибудь?

Ипполит за окном: «Окромя сердца ничего-с».

Что же вы ходите взад и вперед? Отчего вы прямо не войдете?

Ипполит за окном: «Не смею-с».

Кого же вы боитесь?

Ипполит за окном: «Маменьки вашей».

Чего же ее бояться? Она спит.

Ипполит за окном: «В таком случае, сейчас-с».

Агния. Такой видный, красивый молодой человек, а какой робкий.

Ипполит входит. Он одет чисто и современно; с маленькой бородкой, довольно красив.

Еще здравствуйте!

Ипполит. Наше почтение-с.

Агния. А мы вас ждали; хотим вместе гулять идти. Вы пойдете?

Ипполит. Даже с великим моим удовольствием-с. (*Оглядывается по сторонам.*)

Агния. Да не бойтесь, не бойтесь; я вам говорю, что спит.

Ипполит. Не то чтоб я боялся, а как, собственно, что без их приглашения.

Агния. Все равно, я вас пригласила.

Ипполит. Все равно, да не одно-с. А вдруг выйдет сама да скажет: «непрощенные гости вон!» Со мной такие-то разы бывали. Однако, оно

довольно конфузно-с.

Агния. Да разве можно? Что вы!

Ипполит. Оченно можно-с; особливо если хозяин или хозяйка с характером. И пойдешь, как не солоно хлебал; да еще оглядываешься, в затылок не провожают ли.

Агния (*смеется*). А вас провожали?

Ипполит. Кабы не провожали, так я бы про эту самую деликатность и не знал.

Агния. Да не может быть.

Ипполит. От образованных людей, конечно, ожидать нельзя, а по нашей стороне всего дождешься. Кругом нас какое невежество-то свирепствует, – страсть! Каждый хозяин в своем доме, как султан Махнут-Турецкий; только что голов не рубит.

Агния. Вы, должно быть, трус.

Ипполит. За что же такая критика?

Агния. Всего вы боитесь.

Ипполит. Совсем напротив-с; я так себя чувствую, что во мне даже отчаянности достаточно.

Агния. Против кого?

Ипполит. Против всех-с.

Агния. И против хозяина?

Ипполит. И хозяин тоже, если что не дело, так немного у меня возьмет. Также осажу в лучшем виде.

Агния. Да правда ли?

Ипполит. С тем возьмите.

Агния. Ну, смотрите же! Я трусов не люблю, я вам вперед говорю.

Ипполит. Зачем же-с! Конечно, я не в том звании родился, нас с малолетства героизму не обучают, а ежели взять на себя смелость...

Агния. Так берите ее почаще.

Ипполит. Такой ваш совет-с?

Агния. Да, мой совет. И не бойтесь моей маменьки. **Ипполит.** Так точно все и будет в аккурате исполнено-с.

Агния. Ну, и прекрасно. И во всем меня так слушайтесь.

Ипполит. Да оно теперь и самое время вам учить меня.

Агния. Почему же?

Ипполит. Я чувствую, что я совсем потерянный, и даже в мыслях разбивка пошла, врозь.

Агния. Что же с вами сделалось?

Ипполит. От чувств.

Агния. Скажите пожалуйста, какой вы чувствительный!

Ипполит. Я-то? Сам себе не рад, вот как-с! Только что складу в словах не знаю, вот одно.

Агния. А то что ж бы было?

Ипполит. Сейчас бы все стихами.

Агния. Ну можно и без них обойтись.

Ипполит (*берет с пальцев вышитую ленточку для закладки книги*).
Это вы для кого же сувенир-с?

Агния. Вам что за дело?

Ипполит. Значит, мы сейчас конфискуем.

Агния. Кто вам позволит еще?

Ипполит. А ежели без позволения-с?

Агния. Как, без позволения? За это к мировому.

Ипполит. А я мировому скажу, что на знак памяти.

Агния. В знак памяти просят, а не сами берут.

Ипполит. А ежели, в случае, от вас не дожدهшься-с?

Агния. Значит, вы не стоите. Положите опять на место.

Ипполит. Хоша на один день позвольте попользоваться.

Агния. Ни на один час.

Ипполит. Жестокости пошли.

Агния. А вот за эти слова, сейчас положите на место и не смейте трогать. Для вас и вышивала, а теперь не отдам.

Ипполит. А коль скоро для меня, имею полное мое право.

Агния. Никакого права не имеете. Подайте! (*Хочет отнять ленточку.*)

Ипполит (*поднимая руку*). Не достанете.

Агния. Вы думаете, у меня силы нет? (*Хочет нагнуть его руку. Ипполит ее целует.*) Это что еще? Как вы смеете?

Ипполит. Как есть, кругом вноват-с.

Агния. Стыдно вам! (*Садится к пальцам и опускает голову.*)

Ипполит. Оно точно, что стыдно; конечно, что невежество с моей стороны, а только ежели утерпеть нет никакой возможности... Хоша я человек теперича не вполне, потому как живу людях и во всем зависим, но при всем том, ежели я вам сколько-нибудь не противен, я вашей маменьке во всем могу открыться как должно.

Агния молчит.

Со временем тоже и я могу человеком быть, и по своему делу даже

очень много противу других понятия имею.

Агния молчит.

Мне теперича ежели что страшно, так это, собственно, какое от вас мне решение выдет.

Агния молчит и еще более опускает голову.

Хоть одно слово.

Агния молчит.

Ужли же так, без внимания меня оставите? Имейте сколько-нибудь снисхождения! Может, не верите моим чувствам? Всею душою заверить вас могу. Кабы ежели я не чувствовал, разве б я смел...

Агния (*потупившись*). Ну, хорошо, я вам верю. А долго дожидаться: когда вы вполне человеком будете?

Ипполит. Когда хозяин настоящее жалованье положит.

Агния. Ну, вот тогда и скажете маменьке; я и сама тоже поговорю. (*Весело.*) А ленточку все-таки подайте!

Ипполит. Нет уж, теперь собственность.

Агния. Ну, как не собственность! Отыму ведь. Только вы смотрите, ежели опять...

Ипполит. Как можно-с!

Агния отнимает ленточку. Ипполит ее целует. Входит Круглова.

Явление пятое

Круглова, Агния, Ипполит.

Круглова. Что это за возня! Покою нет. Вот славно!

Агния (*тихо вскрикивает*). Ах! (*Садится на стул за пальцами.*)

Ипполит отходит в глубину комнаты и робко стоит у притолки.

Круглова. Что ж это такое?

Агния. Что? Ничего.

Круглова. Как ничего? Я своими глазами видела, как он тебя целовал.

Агния. Эка важность, поцеловал!

Круглова. По-твоему, это не важность?

Агния. Да, конечно. Вот, кабы укусил, это нехорошо.

Круглова. Ты в своем разуме или рехнувшись? А срам, стало быть, ничего?

Агния. Какой срам! Срам-то бывает у богатых; а мы, как ни живи, никому до того дела нет. И хорошо и худо, все для себя, а не для людей. Хорошо живи, люди не похвалят, и дурно живи, никого не удивишь.

Круглова. Извольте подумать, чем она занимается!

Агния. А вы думали, я все еще в куклы играю?

Круглова. Потихоньку-то от матери...

Агния. Да я и при вас, пожалуй.

Круглова. Стыдочку-то, стало быть, немного.

Агния. На что его нужно, на то он есть.

Круглова. А все-таки нехорошо, что мать-то не знает.

Агния. Знать-то вам нечего; еще ничего верного-то нет. Придет время, не беспокойтесь, скажем; мы этот порядок знаем.

Круглова. С тобой говорить-то, что больше, то хуже. Лучше бросить; а то еще, пожалуй, у тебя сама виновата останешься. А что правда, то правда: не вовремя вы христосоваться начали.

Агния. Вперед зачтите. Конечно, удержать себя можно; да для чего? Молодость-то наша и так не красна; чем ее вспомнить будет?

Круглова (*Ипполиту*). Ну, а ты? Разве я тебя за тем в дом-то пускаю? Хорош, хорош!

Ипполит. От меня оправданий не услышите.

Круглова. Такие вы люди, чтоб вам верить, как же! Пусты козла в огород!

Ипполит. Я теперича без слов, все одно, как убитый. На все ваша воля.

Круглова. Притворяйся сиротой-то. Вот я погляжу, что будет от тебя, а то и турну, брат.

Агния. Да будет вам!

Круглова. Не любите слушать-то?

Агния. Гулять пойдете.

Круглова. Гулянье на уме-то?

Агния.. Да уж довольно, маменька. Свое дело исправили, побранили, ну и будет.

Круглова. Ну, шут вас возьми, и то сказать. Собираться, видно, да гулять пойти.

Входит Ахов.

Явление шестое

Круглова, Агния, Ипполит, Ахов.

Ахов. Вот и я к тебе забрел, в твою хижину убогую.

Круглова. Милости просим! Благодарим, что не гнушаетесь.

Ахов. Не гнушаюсь, не гнушаюсь, Федосевна; цени это! Ждали ль такого гостя-то? (*Поглядывает косо на Ипполита.*)

Круглова. И ждали, и нет.

Ахов. Как же? Ведь я с твоей дурой-то приказывал вам, чтоб ждали.

Круглова. Да ведь слуга-то у нас антик; не дожدهшься ее пока у ней язык-то поворотится.

Ахов (*Агнии*). Весело ль прыгаешь?

Агния. Понемножку.

Ахов. Что ж так? А ты живи веселей! Коли мать обижать будет, так ты мне на нее жалуйся.

Круглова. Просим покорно садиться. Ахов (*косясь на Ипполита*). Сяду, сяду, не проси. (*Садится на диван.*)

Круглова. Чем потчевать прикажете, Ермил Зотыч?

Ахов. погоди еще потчевать-то, дай гостям усесться хорошенько.

Круглова. Усаживайтесь.

Ахов. Усаживайтесь! Ты погляди сначала кругом-то! Уселся я, да порядку у тебя в доме нет; вот что!

Круглова. Не знаю, батюшка, что ты говоришь.

Ахов (*Ипполиту*). Ну!

Ипполит. Что, дяденька, прикажете?

Ахов. Не знаешь?

Ипполит. Что же вам будет угодно-с?

Ахов. Да ты приди в себя! Где ты?

Ипполит. У Дарьи Федосевны-с.

Ахов (*передразнивая его*). У Дарьи Федосевны! Знаю, что у Дарьи Федосевны. Значит, по-твоему, тебе здесь и надо быть?

Ипполит. Я в гости пришел-с.

Ахов. А я зачем?

Ипполит. Так полагаю, дяденька, что вы тоже-с.

Ахов. Ну, так ты мне компания или нет? Догадался теперь?

Ипполит. Чего же я должен догадаться-с?

Ахов. Что где хозяин, там тебе не место. Понял?

Ипполит. Понимаю-с.

Ахов. Ну, и, значит, поди вон!

Круглова. За что ж ты его гонишь?

Агния. Для нас гости все равны.

Ахов. Много вы знаете! Не ваше это дело! (*Ипполиту.*) Ты, как завидел хозяина, так бежать должен; шапку не успел захватить, так без шапки беги. Был, да и след простыл, словно тебя ветром сдунуло с лица земли. Что ж, кому я говорю?

Ипполит. Но позвольте-с...

Ахов. За волосы, что ль, тебя вытащить отсюда?

Ипполит. Как же это можно-с? При дамах даже-с...

Ахов. При дамах! Очень мне нужно. Вытащу, да и все тут.

Ипполит. За что же такая обида-с? Я здесь на благородном счету-с.

Ахов (*привстает*). Пошел вон, говорят тебе.

Ипполит (*берет шляпу*). Ежели вы непременно того желаете...

Агния (*Ипполиту*). Струсили?

Ахов (*топая ногами*). Вон без разговору, вон!

Ипполит уходит.

Агния (*вслед ему*). Стыдно, стыдно трусить!

Явление седьмое

Ахов, Круглова, Агния.

Ахов. У меня струсил; у меня и не такой, как он, струсит.

Агния. Что же вы, страшны, что ли, очень?

Ахов. Не страшен я; страшен-то черт да еще-пугало страшное на огороде ставят, ворон пугать. Говорить-то ты не умеешь! Не страшен я, а грозен. (Кругловой.) А ты еще усаживаешь да потчуешь при мальчишке-то!

Круглова. Чем он тебе помешал, не понимаю.

Ахов. Пора понимать; не за мужиком замужем-то была. Порядок-то тоже в доме был заведен; чай, ученье-то мужнино и теперь помнишь? Что за невежество!

Круглова. Никакого тут невежества нет. Да что ты, в самом деде, учить меня стал! Поздно уж, да и не нуждаюсь я.

Ахов. Да мне что? Живи, как хочешь; тебе же. хуже.

Круглова. Прожила век-то как-нибудь, теперь, уж немного доживать осталось.

Ахов. Да ты только рассуди, как ему с хозяином в одной комнате? Может, я и разговорюсь у вас; может, пошутить с вами захочу; а он, рот разиня, слушать станет? Он в жизни от меня, кроме приказа да брани, ничего не слыхивал. Какой же у него страх будет после этого? Он скажет, наш хозяин-то такие же глупости говорит, как и все прочие люди. А он знать этого не должен.

Круглова. Ну, уж где нам эту вашу политику понимать!

Ахов. Мы иногда сберемся, хозяева-то, так безобразничаем, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Так нам и пустить к себе в компанию приказчиков, чтоб они любовались на нас?

Круглова. Это уж твое дело.

Ахов. То-то я и говорю. Вот ты, как только меня увидела, прежде чем сажать-то меня да потчевать, вытолкнула бы его за дверь; и ему на пользу, да и мне приятнее.

Круглова. Чаем просить прикажете?

Ахов. Не хочу, обидели. Я к вам было всей душой, а вы меня уважить не хотели.

Круглова. Трудно угодить-то на тебя.

Ахов. Нет, ты стой! Уважать нас очень надобно. Особенное нам

должно идти уважение супротив других людей. А почему так? Я тебе скажу, если не знаешь.

Круглова. Скажи, послушаем.

Ахов. Ты богатого человека, коли он до тебя милостив, блюди пуще ока своего. Потому, ты своего достатка не имеешь; нужда али что, к кому тебе кинуться? А второе: разве ты знаешь, разве тебе чужая душа открыта, за что богатый человек к тебе милостив? Может, он так только себе отвагу дает, а может, сурьёз! Потому что для нашего брата, ежели что захотелось, дорогого нет; а у вас, нищей братии, ничего заветного нет; все продажное. И вдруг из гроша рубль. Поняла?

Круглова. Ну, не вдруг-то.

Ахов. А вот сейчас тебе... (*Агнии.*) Можешь ты меня поцеловать теперь, при матери?

Агния. Могу, коли захочу.

Ахов. Ну, так захоти, внакладе не будешь.

Агния. Да и барыша мне не надо; а чтоб только из пустяков лишнего разговору не заводить, извольте. (*Целует его.*)

Ахов (*Кругловой*). Видела?

Круглова. Что видеть-то? Я и не то видала. Чмокнуть-то губами невелико дело! Хошь бы тебя она теперь! Это что! Все равно что горшок об горшок; сколько ни бей, а масла небудет. А то есть дело, которое совсем другого рода; тогда уж мать смотри только.

Ахов. Нет, ты слушай! Ведь богатство-то чем лестно? Вот чем: что захотел, что задумал только – все твое.

Агния. Ну, если б я знала, что вы так будете мое снисхождение понимать, ни за что б вас не поцеловала.

Ахов. Ты молчи, ты молчи! Худого ты не сделала. Нет, я говорю, коли вся жизнь-то... может, не одной даже сотни людей в наших руках, так как нам собой не возноситься? Всякому тоже пирожка сладенького хочется... А что уж про тех, кому и вовсе-то есть нечего! Ой, задешево людей покупали, ой, задешево! Поверишь ли, иногда даже жалко самому станет.

Круглова. Что капиталом-то гордиться!

Ахов. А то чем же? (*Со вздохом.*) Сила, Федосевна, сила!

Круглова. Ну, да что говорить!

Ахов. Ну, так вот ты и обсуди, да подумай одна на досуге, с подушкой; авось дело-то ладней пойдет. (*Встает.*) Ну, прощайте покудова. А вы ничего, я не сержусь.

Круглова. Ну, и ладно, коли не сердишься. Что хорошего сердиться!

Ахов. Разумеется, как давно ты в бедности, так от настоящих порядков

отвыкла; а дай тебе деньги-то, так ты опять.

Круглова. Еще бы.

Ахов. Так ты вникни, Дарья Федосевна! *(Значительно.)* Советую. Помни одно: никто, как бог! *(Агнии.)* Прощай, стрекоза!

Агния. Прощайте, Ермил Зотыч.

Ахов. Я ведь, пожалуй, и опять скоро. Меня к вам ровно что тянет... Конечно, что и с вашей стороны нужно... Ну, да будет. Завтра приходить, что ль?

Круглова. Что за спрос? Да когда только тебе угодно!

Ахов. Ладно, ладно. *(Тихо Кругловой.)* Завтра приду.

Круглова. Да что за секрет!

Ахов *(толкает ее локтем).* Толкуй с тобой. *(Уходит.)*

Явление восьмое

Круглова, Агния.

Агния. Маменька, когда Ипполит придет, гоните его без милосердия.

Круглова. Не Ермила ли гнать-то?

Агния. За что его? Он чем виноват? Как же ему не возноситься, когда ему все покоряются.

Круглова. Ты что ни говори, а мне Ипполита жалко.

Агния. Что его жалеть-то; он не маленький. Кабы у него совесть, так он сам бы стыдился, что его жалеют. Какого маленького обидели! Видеть его не могу.

Круглова. Что так грозно?

Агния. Ну, будь он женат, да с женой здесь, каково бы ей бедной!

Круглова. Попробуй-ка с Ермилом-то сговорить.

Агния. Не канатом он с Ермилом-то связан, бросил да и пошел. А я было чуть не полюбила его, плаксу.

Круглова. У тебя, видно, сколько дней на неделе, столько и пятниц. Не успела полюбить, да уж и разлюбила.

Агния. Да-таки и разлюбила.

Круглова. А я так больше полюбила.

Агния. Ну, и поздравляю.

Круглова. И тебе советую.

Агния. Ну, уж напрасно.

Круглова. Потому, что он добрый.

Агния. Противный, распротивный.

Круглова. Ахов лучше?

Агния. И сравнения нет.

Круглова. Уж куда как хорош! Ну, и целуйся с своим Аховым.

Агния. Да, разумеется, лучше, чем с Ипполитом.

Круглова. Тебе бы об этом прежде догадаться.

Агния. Не попрекайте, не попрекайте, я уж и то себя проклиная.

Круглова. Я тебя не попрекаю: а уж, по-моему, коли понравился человек, так и держись одного.

Агния. Как же не так; стоит он! Я еще вот что сделаю, я напишу ему, чтоб он не смел к нам и показываться. *(Идет в другую комнату.)*

Круглова. Что писать-то напрасно; только даром руки марать!

Агния. Совсем не напрасно. (*Уходит.*)

Круглова. Как не напрасно; ведь вот, погода немного, другое письмо писать примешься, что приходите поскорее.

Агния (*из другой комнаты*). Да ни за что, ни за что на свете.

Круглова. Поверю я, как же.

Агния. И не говорите лучше! Конец знакомству – вот и все.

Круглова. Посмотрим, сказал слепой. (*Уходит.*)

Сцена 2-я

Лица:

Круглова.

Агния.

Ахов.

Ипполит.

Феона, ключница Ахова и дальняя родственница.

Маланья.

Декорация первой сцены.

Явление первое

Круглова (на диване), Феона (на кресле) пьют чай. На столе самовар. У двери стоит Маланья (подперши рукой щеку).

Круглова. Ты, Феонушка, от обедни?

Феона. От обедни, матушка.

Круглова. Где стояла?

Феона. В Хамовниках.

Круглова. А далеко ведь?

Феона. Конечно, что не моим бы ногам, только что усердие, так уж... .
(Ставит чашку.)

Круглова (наливая). Пей еще!

Феона. Выпью не обессудьте.

Маланья. А вот... в лени живущим все тяжело, которые ежели себя опускают. Другой раз поутру-то... так тебя нежитомит... ровно тебя опоили, плоть-то эта самая точно в рост идет, по суставам-то ровно гудет легонечко... Не токма, чтобы какое дело великое, что по христианству тебе следует, а самовар, и тот лень поставить... все бы лежала.

Феона. А ты, девушка, блажь-то с себя стряхивай, старайся! В струне себя норови... а то, долго ль, и совсем одубеешь. У нас было с одной – вся как свинцом налитая сделалась. Ни понятия, говорит, ни жалости во мне ни к чему не стало.

Маланья. Само собой, что грехи... наши; а то я... про что же!

Феона. Пожила бы ты у нашего Ермила Зотыча. Он еще до заутрени чаю-то напился.

Маланья. Ишь ты, как его...

Круглова. Что ж у него за дело – спешное?

Феона. Да какое дело, окромя, что ворчать ходить да чтоб не спали? Ненавистник! Уж очень он за свою хлеб-соль обидчик! Его куском-то подавишься; он им тебя раз десять в день-то попрекнет. Кричит: «И вас кормлю да жалованье плачу», а чужой работы не считает. Ему, кажись, кабы можно из рабочего дня-то два сделать, так он был бы рад-радостью. Вот и бродит спозаранку, и по двору бродит, и по саду бродит, по сараям, по конюшням бродит. Потом на фабрику поедет, там тоже только людям мешает: человек за делом бежит, а он его остановит, ругать примется ни за что; говорит: для переду годится. А с фабрики приедет, с детьми

стражается – вот и наши дела.

Круглова. Ты мне не говори; свой такой же чадо был. Один, видно, их портной кроит. Одна разница: мой-то нас мучил, мучил, да чуть не с сумой оставил; а ваш-то зарылся по горло в деньгах, и счет потерял, так и завяз там.

Феона. Да что и деньги-то! Только грех один. Хорошо, как в руки попадут, а то, кто его знает, что у него на уме. Один сын бежал из дому, Николай Ермилыч-то.

Круглова. Давно ли?

Феона. Бежал, матушка; бежал к теще. Еще на тот неделе съехал. И кроткий человек, а не стерпел. Веришь ты, исхудал весь, ходит, да так всем телом и вздрагивает. Да и жена его, женщина молодая, измаялась совсем; в слезах встает в слезах и ложится. Все старик их наследством попрекает. «Смерти моей, говорит, желаете, денег дожидаетесь, воли вам мало? Подождите, говорит, подождите; я с своими коплеными нескоро расстанусь; прежде я вас жить поучу, за свое добро над вами покуражусь так, что вы и деньгам не обрадуетесь».

Маланья. А и аспид же он у вас.

Феона. Аспид, как есть аспид. (*Ставит чашку на стол.*) Благодарю покорно!

Круглова. А еще?

Феона. Нет уж, вволю напилась, сколько хотенья было. Еще дома, приду, пить буду. Что ж делать от скуки-то? А сама что ж не пьешь?

Круглова. Уж мы с Агничкой напились. Это я так, с тобой балую. Маланья, убирай чай!

Маланья принимает самовар, поднос с чашками и уходит.

Феона. А вот Гриша у нас, другой-то, матушка...

Круглова. Знаю, знаю.

Феона. Не таков, озорноват; видно, в батюшку удался.

Круглова. Его-то хоть и любит ли?

Феона. Никак нельзя его, матушка, любить-то; очень уж нескладен, да и бестолков так, что не накажи господи! Одно только и знает, что отцу в ноги кланяться, а уж пить да буянить-другого не найдешь. От этого от самого-то ок-зревание у него притупилось. Как приедет откуда пьяный или привезут его, глаза вытаращит, как баран, уставится в одну сторону и давай перед отцом лбом в пол стучать. Тот его простит, а он опять закатится. Что жалоб на него было, что за него денег плачено! Вот недавно задурил;

привезли его, из каких теплых местов, уж не знаю, только связанного. И двое побитых с ним, да одного, говорят, в Москве-реке топил. Ну, нечего делать, заплатил отец побитым за изъян, а тонущего, и которые его из воды тащили, еще и вином напоили, окромя денег. И сослал его отец на фабрику, чтоб держали там взаперти до усмирения.

Круглова. Эки дела! Как богатые-то купцы живут! Не позавидуешь и богатству-то их.

Феона. Что, матушка, в нем завистного! В этом богатстве-то чужих слез больно много, вот они и отзываются – до седьмого колена, говорят.

Круглова. Значит, старик-то теперь один; то-то он и повадился ко мне ходить.

Феона. Почитай, что один. Дом-то у нас старый княжеский, комнат сорок – пусто таково; скажешь слово, так даже гул идет; вот он и бродит один по комнатам-то. Вчера пошел в сумерки да заблудился в своем-то дому; кричит караул не благим матом. Насилу я его нашла да уж вывела. Это он со скуки к тебе бродит. Гришу-то опять с фабрики привезли, матушка, только больного. Доктор ездит, да еще старичок-раскольник ходит, живых линей ему к подошвам прикладывает. На фабрике-то у нас елехтор немец, Вандер, и такой-то злой пить, что, кажется, как только утроба человеческая помещает; и что ни пьет, все ему ничего, только что еще лучше, все он цветней да глазастей становится. Ну, а наш-то еще молод, и не перенес, и нашло на него ума помрачение. Стал выбегать на балкон да в мужиков из ружья стрелять. Само собой, что не своей он это творил. Может, они еще к нему в Москве приступили, да нам-то невдомек было. Стали, говорит, они кругом его сначала как шмели летать, а потом уж в своем виде показались как им быть следует. И все-то он теперь от них прячется. Ох, пойти! А то сам-то, пожалуй, заругается.

Круглова. Посиди. Кто ж у вас делом-то правит?

Феона. Племянник, матушка.

Круглова. Ипполит?

Феона. Он, матушка, он, Аполит. И по конторе и по фабрике-все он.

Круглова. Каков он парень-то, я давно у тебя хотела спросить.

Феона. Мученик, матушка, одно слово. Страстотерпец. Один за всех дело делает, покою не знает; а кроме брани, себе ничего не видит.

Круглова. Не пьет он?

Феона. И, что ты, матушка! Ни маковой росинки. А должно, что запьет, я так полагаю, надо быть, вскорости.

Круглова. Отчего так?

Феона. Не стерпит, невозможно. У нас все одно: что честно себя

содержи, что пьянствуй-все одна цена-то; от хозяина доброго слова не дождешься; так что за напасть, из чего себя сокращать-то. Прежде Аполит все-таки повеселее ходил, а теперь такой пасмурный, из всего видно, что запить собирается. Ну, и деньгами бьется, бедный; положения ему нет, а что даст хозяин из милости.

Круглова. Эко, бедный, а!

Феона. Да ты что про него спрашиваешь-то? Аль сватаешь кого?

Круглова. А хоть бы и сватаю; разве дурное дело?

Феона. Кто ж говорит. Уж ты не свою ли?

Круглова. Что ж, и моя невеста.

Феона. Ну, вот дуру нашла; поверю я, как же! Что тебе за охота за подначального человека!

Круглова. Я и за хозяином была, да горе-то видела. Разумеется, попадетсЯ состоятельный человек, мы брезгать не станем.

Феона. Зачем брезгать! Да оно и по всему видно, что твое в птичке в золотой клетке быть.

Круглова. Ах, Феонушка, клетка – все клетка, как ты ее ни золоти.

Феона. Что-то наш старик уж очень стал твою дочку похваливать.

Круглова. Пушай его хвалит, нам убытку нет.

Феона. Что ж не похвалить! И всякий похвалит. Да блажной ведь он старичишка-то; говорит такое, что ему не следует. Ведь ему давно за шестьдесят, она ему во внуки годится. А он на-ко-поди, ровно молоденький.

Круглова. Что ты говоришь?

Феона. Будто ты его не знаешь? От него все станетсЯ.

Круглова. Ну, где же!

Феона. Да уж верно, коли я говорю. Не в первый раз ему Москву-то страмить. Он, было, и за богатеньких бралсЯ, ума-то у него хватало, да местах в трех карету подали; вот теперь уж другое грезит. «Изберу я себе из бедных, говорит, повиднее. Ей моего благодеяния всю жизнь не забыть, да и я от ее родных что поклонов земных увижу! Девка-то девкой, да и поломаюсь досыта».

Круглова. А ведь эти старики богатые только сами много мечтают о себе, а ума в них нет.

Феона. Нет, матушка, нет, один форс. А собьют с него форс-то этот самый, так он что твоя ворона мокрая. Ай, батюшки! Засиделась я.

Круглова. Прощай, Феонушка!

За сценой голос Агии: «Ты не плачь, не тоскуй, душа-девица».

Феона. Это дочка, чай?

Круглова. Агничка.

Феона. Веселенькая какая, бог с ней.

Входит Агния.

Явление второе

Круглова, Феона, Агния.

Агния. Здравствуй, бабушка.

Феона. Здравствуй, родная! Что ж замолчала? Пой, день твой. Ты знаешь ли, что в тебе поет-то?

Агния. Что?

Феона. Воля. А вот, придет время, бросишь песенки-то.

Агния. Да я в неволю не пойду.

Феона. И рада б не пошла, да коли так предуставлено. Счастливо оставаться! Что вы меня не гоните! Прощайте! (*Уходит.*)

Агния садится пяльцам и задумывается.

Круглова. Посоветуйся с матерью-то! Что ты все одна вздыхаешь! Я ведь тебе друг а не враг.

Агния. Нет маменька, боюсь расплачусь; а плакать что хорошего. (*Работает.*)

Круглова. Сказать тебе новость?

Агния. Скажите!

Круглова. Ты Ермилу Зотычу очень понравилась.

Агния. Ах! Убили!

Круглова (*улыбается*). Мое дело сказать тебе; а там уж, как хочешь.

Агния. Ну, да уж, конечно.

Круглова. Воли я с тебя не снимаю.

Агния (*работая*). Покорнейше вас благодарю.

Круглова. Деньги никому еще на свете не надоели.

Агния. Еще бы!

Круглова. А как их нет, так и подавно.

Агния. Что и говорить!

Круглова. Ну, и почет тоже что-нибудь да значит.

Агния. Само собой.

Круглова. Завидный жених.

Агния. И спорить нечего.

Круглова. Стар только.

Агния. Ничего.

Круглова. Да нравом лют.

Агния. Это у него, бог милостив, пройдет.

Круглова. Да что ты, вздурилась, что ли?

Агния. А что?

Круглова. Я таких речей от тебя прежде не слыхивала.

Агния. И я от вас не слыхивала. Коли вы шутите, ну и я шучу; коли вы серьезно, и я серьезно.

Круглова. Я пошутила, да уж и не рада стала. Кто тебя знает, ты мудреная какая-то!

Агния. А вы не шутите в другой раз.

Круглова. А ну, как он, в самом деле, присватается?

Агния. Уж будто вы и слов не найдете?

Круглова. Слов-то как не найти!

Агния. Так чего же вам еще?

Круглова. А если он тебя спросит, ты что скажешь?

Агния. Я девушка-ангел, я скажу: «как маменьке угодно!»

Круглова. Ну, и ладно.

Входит Ипполит.

Явление третье

Круглова, Агния, Ипполит.

Ипполит. Наше вам почтение-с.

Круглова. Здравствуй, голубчик.

Агния молча слегка кланяется.

Садись, что стоишь!

Ипполит (*саясь*). Собственно, мне некогда-с; в момент надо при деле быть. За получением еду.

Круглова. Подождут.

Ипполит. С вексельями ждуть-то, а не с деньгами-с. Полчаса промешкал, и лови его в Красноярске.

Круглова. По-моему, уж лучше не заходить, коли некогда. Что за порядок: повернулся, да и ушел. Терпеть не могу.

Ипполит. По направлению пути должен был мимо вас ехать, так счел за невежество не зайти.

Круглова. Ну, спасибо и за то. Что новенького?

Ипполит. Старое по-старому, а вновь ничего-с.

Круглова. Жалованья просить скоро будешь?

Ипполит. Как его просить, коли и заикаться не велели. Вот, что дальше будет, посмотрю.

Круглова. И дальше то же будет, коли зевать будешь. Приставай к горлу – вот и все тут.

Ипполит. Не на таких я правилах основан-с.

Круглова. Как хочешь! Я тебе добра желаю.

Ипполит. А при всем том, я об вашем разговоре подумаю-с.

Круглова. Думай! Не все тебе малолетним быть! Что у тебя впереди-то?

Ипполит. Сулит большое награждение. Только, если на него надеяться, надо будет при своей мечте в больших дураках остаться.

Круглова. В дураках-то бы ничего, как бы хуже не было!

Ипполит. Конечно, я за собой наблюдаю, сколько есть силы-возможности; а другой, на моем месте, давно бы в слабость ударился и сейчас в число людей, не стоящих внимания, попал. В младенчестве на

брань и на волосяную расправу терпимость есть, все это как будто приличное к этому возрасту. А ежели задумываешь об своей солидности и хочешь себя в кругу людей держать на виду, и вдруг тебя назад осаживают, почитай что в самую физиономию! Обидно!

Круглова. Разумеется, обидно.

Ипполит. Ты, по своим трудам, хочешь быть в уважении и по всем правам полным гражданином, и вдруг тебя опять же на мальчишеское положение поворачивают, тогда в душе большие перевероты бывают к дурному.

Круглова. А кто тебя держит? Ты ведь не крепостной у него.

Ипполит. А куда же я пойду-с? На триста рублей в год в лавку? И должен я лет пять биться в самом ничтожном положении. Когда же я человеком буду во всей форме? Теперь все-таки одно лестно, что я при большом деле, при богатом дяде в племянниках. Все-таки мне почет.

Круглова. Где? В трактире?

Ипполит. Хоша и в трактире.

Круглова. Ну, так сам виноват, нечего тебя и жалеть!

Ипполит. Может, он когда и войдет в чувство.

Круглова. Дожидайся от него чувства-то!

Ипполит. Я так понимаю, что мне с него тысяч пятнадцать по всем правам следует.

Круглова. Понимай, что хочешь, а слушать тебя скучно. Пойти работу взять. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Агния и Ипполит.

Агния. Зачем же вы мне лгали вчера, что вы не боитесь хозяина?

Ипполит. Да уж очень обидно признаться-то-с. Ну, и говоришь про себя, как лучше, чтоб тебя за человека считали.

Агния. Вы трус, да и лгун еще. По вашему характеру, денег вы от хозяина не дождетесь, а вернее всего, что он сам вас прогонит.

Ипполит. Помилуйте за что же? В таком случае, против его невежества можно и самому невежливым быть.

Агния. Давно бы вам догадаться.

Ипполит. Нешто вооружиться!

Агния. Вооружайтесь!

Ипполит. Коли вы одобряете, так и будет-с. Коль скоро человек своего должного не понимает и слов не чувствует, надо ему на деле доказать, чтоб он от своего необразования сколько-нибудь почувствовался.

Агния. Чем же вы ему докажете?

Ипполит. Даже очень немногим-с. Вот и сейчас он в моих руках. *(Показывает вексель.)* Всему только делу остановка, что у меня совести довольно достаточно.

Агния. И хорошо, что ее достаточно. Человека бессовестного любить нельзя.

Ипполит. Хорошо, что вы мне это заранее сказали-с.

Агния. А вы не знали?

Ипполит. Почему же я могу ваш характер знать-с! Обыкновенно у женщин больше такое понятие-с, что хоть на разбой ходи, только для нее и для дому будь добычник.

Агния. Я воров не люблю, а другие, как хотят – не мое дело.

Ипполит. Значит, только из одного того, чтоб любовь вашу заслужить?

Агния. Не говорите мне о любви, пожалуйста!

Ипполит. Почему же так-с?

Агния. Яне хочу мальчика любить. Какой вы мужчина?

Ипполит. По вашим словам, я самый ничтожный человек-с...

Агния. Это ваше дело.

Ипполит. Ото всех в презрении.

Агния. Кто ж виноват?

Ипполит. Заместо того, чтоб мне от вас утешение...

Агния. Вас станут бить, как мальчишку, а я должна вас утешать! Да с чего вы выдумали?

Ипполит. Кто-же меня пожалеет-е?

Агния. Мне-то что за дело! Смеяться над вами, а не жалеть.

Ипполит. После этого уж только помирать остается на моем месте.

Агния. Конечно, лучше.

Ипполит. Стало быть, вы обо мне очень низкого понятия?

Агния. Очень.

Ипполит. Однако, такой удар от вас! Я даже, как его перенести, не знаю.

Агния. Очень рада.

Ипполит. И никакого, значит, к человечеству снисхождения?

Агния. И не ждите.

Ипполит. Однако же, влетел я ловко! Вот так обман для моих чувств! Ошибался я в своей жизни...

Агния (*отирая слезы*). Не вы ошиблись, я ошиблась. Уйдите, пожалуйста! Уйдите, говорят вам. Стыдно мне, взрослой девушке не уметь людей разбирать. Меня никто не тянул к вам.

Ипполит. Но позвольте мне в свое оправдание...

Агния. Подите, подите!

Ипполит. Но, однако, хоть малость пожалейте!

Агния. Послушайте! Нынче же выпросите себе у хозяина хорошее жалованье или отходите от него и ищите другое место! Если вы этого не сделаете, лучше и не знайте меня совсем, и не кажитесь мне на глаза!

Ипполит. Это уж от вас последнее слово-с?

Агния. Последнее.

Ипполит. Ну, так я знаю, что мне делать-с. Я эту штуку давно в уме держу.

Агния. Делайте, что хотите, только честно.

Ипполит. Это я не знаю, там сами рассудите. Опосля, хоть годову с меня снимите, только я от своего не отступлюсь.

Агния. Ваше дело.

Ипполит. Так прощайте-с!

Агния (*кланяясь*). Прощайте.

Ипполит. Стало быть, прощанье сухое будет?

Агния. Это что еще?

Ипполит. Хоша ручку-с.

Агния. Ни одного пальчика.

Входит Круглова.

Явление пятое

Круглова, Агния, Ипполит, потом Маланья.

Ипполит (*Кругловой*). Поддержите-с!

Круглова. В чем?

Ипполит. Хочу с хозяином войну начинать.

Агния. Не заплачьте перед хозяином, вместо войны-то!

Ипполит. Что за насмешки-с! Нет уж, теперича душа моя горит.

Круглова. Да я-то тут при чем? Не понимаю, голубчик.

Ипполит. Через полчаса я вам объясню в точности.

Входит Маланья и молча вздыхает.

Агния. Каких чудес не бывает!

Ипполит. Да уж докажу себя перед вами.

Маланья. Дединька идет.

Круглова. Какой дединька?

Маланья (*вздыхая*). Сединький.

Ипполит. Уж не хозяин ли?

Маланья. Должно, что хозяин. Да он и есть; что я говорю-то.
(*Уходит.*)

Ипполит. Вот было попался.

Круглова. Пройди чрез мою комнату, и не встретитесь.

Ипполит уходит в комнату Кругловой. Круглова встречает в передней Ахова и входит вместе с ним.

Явление шестое

Круглова, Агния, Ахов.

Круглова. Пожалуйте, Ермил Зотыч! Милости просим!

Агния кланяется.

Ахов. Да! Милости просим! Милости просим! За что нас везде любят? Везде: «милости просим!»

Круглова. Ты думаешь, за богатство за твое?

Ахов. Притворяйся еще! Что ни толкуй, Федосевна, а против других отличка есть?

Круглова. Ну, само собой.

Ахов. Бедный человек пришел, хочешь – ты им занимаешься, хочешь – прогонишь, а богатый хоша бы и невежество сделал, ты его почитаешь. (Указывая на Агнию.) Работает?

Круглова. Работает.

Ахов. Да! Это хорошо.

Круглова. Для скуки.

Ахов. А много ль ей годов? Все я не спрошу у тебя.

Круглова. Двадцать лет.

Ахов. Еще не стара. (Тихо.) Об женихах думает?

Круглова. Ну, какие женихи без приданого?

Ахов. Таким бог невидимо посылает.

Круглова. Что-то не слышать.

Ахов. Нет, ты не говори, бывает... за добродетель. Особенно, которые кроткие, покорные, вдруг откуда ни возьмется человек, чего и на уме не было, об чем и думать-то не смели.

Круглова. Бывает-то бывает, да очень редко.

Ахов. Молиться нужно хорошенько, – вот и будет.

Круглова. Да и то молимся.

Ахов. К Пятнице Парасковее ходила?

Круглова. Ходила.

Ахов. Ну, и жди. Только ты уж с покорностью; посватается человек, особенно с достатком, сейчас и отдавай. Значит, такое определение. А за бедного не отдавай!

Круглова. Что за крайность!

Ахов. Мало ли дур-то! Выдать недолго, да что толку! Есть и такие, которые совсем своего счастья не понимают через гордость через свою.

Круглова. Мы не горды.

Ахов. Да чем вам гордиться-то! Богатый человек, ну, гордись, превозносись собой; а твое дело, Федосевна, только кланяйся. Всем кланяйся и за все кланяйся, что-нибудь и выкланяешь, да и глядеть-то на тебя всякому приятнее.

Круглова. Спасибо за совет! Дай бог тебе здоровья.

Ахов. Верно я говорю. Ты сирота и дочь твоя сирота; кто вас призрит, ну и благодетель, и отец родной, ну, и кланяйся тому в ноги. А не то, чтобы, как другие, от глупости чрезмерной, нос в сторону от благодетелев.

Круглова. Да уж не учи, знаю.

Ахов. Ты-то знаешь, тебе пора знать; тоже школу-то видела при покойном. Страх всякому человеку на пользу; оттого ты и умна. А вот молодые-то нынче от рук отбиваются. Ты свою дочь-то в страхе воспитывала?

Круглова. В страхе, Ермил Зотыч, в страхе. Да вот поговори с ней; а я поймуд за Маланьей посмотрю, что она там делает.(Уходит.)

Явление седьмое

Агния, Ахов.

Ахов. Ну об чем же мы с тобой говорить будем?

Агния. Об чем хотите.

Ахов. Ты закон знаешь?

Агния. Какой закон?

Ахов. Обыкновенно какой, как родителей почитать, как старших?

Агния. Знаю.

Ахов. Да мало его знать-то, надобно исполнять.

Агния. Я исполняю: я все делаю, что маменьке угодно, из воли ее не выхожу.

Ахов. Вот так, так. Что мать только тебе скажет, от самого малого и до самого большого...

Агния. Да, от самого малого и до самого большого...

Ахов. Вот за это люблю.

Агния. Покорно вас благодарю.

Ахов. Да еще как люблю-то! Ты не гляди, что я стар! Я ух какой! Ты меня в скромности видишь, может, так обо мне я думаешь; в нас и другое есть. Как мне вздумается, так себя и поверну; я все могу, могущественный я человек.

Агния. Приятно слышать.

Ахов. Ты слыхала ль, что есть такие старики-прокураты, что на молоденьких женятся?

Агния. Как не слыхать! Я слыхала, что есть такие и девушки, которые за стариков выходят.

Ахов. Ну, да это все одно.

Агния. Нет, не все одно. Старику приятно жениться на молоденькой, а молоденькой-то что за охота?

Ахов. Ты этого не понимаешь?

Агния. Не понимаю.

Ахов. Ну, я тебе растолкую.

Агния. Растолкуйте!

Ахов. Вот ты, например, бедная, а пожить тебе хочется; ну, там, как у вас, по-женски? Салоп, что ли, какой али шляпку, на лошадях на хороших проехать, в коляске в какой модной.

Агния. Да, да. Ах, как хорошо!

Ахов. Ну, вот то-то же! Я душу-то твою всю насквозь вижу; что на уме-то у тебя, все знаю. Вот и думаешь: «выйду я за бедного, всю жизнь буду в забвении жить; молодой да богатый меня не возьмет: дай-ка я послушаю умных людей да выйду за старичка с деньгами». Так ведь ты рассуждаешь?

Агния. Так. так.

Ахов. «Старик-то мне, мол, за любовь мою и того, и сего». *(Очень серьезно.)* Какие подарки делают! Страсть!

Агния. Неужели?

Ахов. Тысячные, я тебе говорю, тысячные! Еще покуда женихами, так каждый вечер и возят, и возят!

Агния. Вот жизнь-то!

Ахов. Да это еще что! А как женится-то, вот тут-то жене житье, тут-то веселье!

Агния. Да, да.

Ахов. Что? лестно?

Агния. Как же не лестно! Ни горя, ни заботы, только наряжайся.

Ахов. Весело небось?

Агния. Очень весело. Да и то еще приятно думать, что вот через год через два муж умрет, не два же века ему жить; останешься ты молодой вдовой с деньгами на полной свободе, чего душа хочет.

Ахов. Ну, это ты врешь; сама, может, прежде умрешь.

Агния. Ах, извините!

Ахов. Ты все хорошо говорила, а вот последним-то и изгадила. Ты этого никогда не думай и на уме не держи. Это грех, великий грех! Слышишь?

Агния. Я и не буду никогда думать; это так, с языка сорвалось. Я стану думать, что молодые прежде умирают.

Ахов. Да, ну вот так-то лучше.

Агния. Вы, пожалуйста, этого маменьке не говорите.

Ахов. Что, боишься?

Агния. Боюсь.

Ахов. Это хорошо. Страх иметь – это для человека его лучше.

Агния. А вы имеете?

Ахов. Да мне перед кем? Да и не надо, я и так умен. Мужчине страх на пользу, коли он подначальный; а бабе – всякой и всегда. Ты и матери бойся и мужа бойся, вот и будет тебе от умных людей похвала.

Агния. Чего лучше.

Входит Круглова.

Явление восьмое

Агния, Ахов, Круглова.

Ахов. Ну, теперь я вас понял обеих, что вы за люди.

Круглова. И слава богу, Ермил Зотыч.

Ахов (*встает*). Я теперь у вас запросто; а уж к вечеру ждите меня гостем, великим гостем.

Круглова. Будем ждать.

Ахов. Ты не траться очень-то! Зачем?

Круглова. Это уж мое дело.

Ахов. Думала ли ты, гадала ли, что я тебя так люблю?

Круглова. И во сне не снилось.

Ахов. Ну, прощайте! Покуда что разговаривать! Будет время.(*Агнии.*)
Прощай, милая!

Агния. Прощайте, Ермил Зотыч!

Ахову Круглова подходят к двери.

Ахов. А дочь у тебя умная.

Круглова. И я ее хвалю.

Ахов. А ведь другие есть... наказание! Мать свое, она – свое. Никому смотреть не мило. (*Агнии.*) Слушай ты меня! Коли что тебе мать приказывает, – уж тут перст видимый!

Агния. Конечно.

Ахов. Ну, прощайте! (*Уходит и возвращается.*) Ты каким это угодникам молилась, что тебе такое счастье привалило?

Круглова. За простоту мою.

Ахов уходит.

Явление девятое

Круглова и Агния.

Круглова. Была ль я жива, уж не знаю.

Агния. Кабы вы послушали, он мне тут горы золотые сулил.

Круглова. Про горы-то золотые он мастер рассказывать, а про слезы ничего не говорил, сколько его жена покойная плакала?

Агния. Нет, промолчал.

Круглова. А есть что послушать. Дома-то плакать не смела, так в люди плакать ездила. Сберется будто в гости, а сама заедет то к тому, то к другому, поплакать на свободе. Бывало, приедет ко мне, в постель бросится да и заливается часа три, так я ее и не вижу; с тем и уедет, только здравствуй да прощай. Будто за делом приезжала. Да будет тебе работать-то!

Агния. И то кончила. *(Покрывает работу и уходит.)*

Входит Ипполит.

Явление десятое

Круглова, Ипполит, потом Маланья.

Ипполит. Скоро я слетал-с? А еще в Московский забежал, два полуторных коньяку протащил.

Круглова. Это зачем же?

Ипполит. Для куражу-с. Как на ваш взгляд-с, ничего не заметно?

Круглова. Ничего.

Ипполит. Ну, и ладно. А кураж велик! Выпил на полтину серебра, а смелости у меня рублей на десять прибыло, коли не больше.

Круглова. Купленная-то смелость ненадежна.

Ипполит. Коли своей мало, так за неволю прикупать приходится. Позвольте-ка, я в зеркало погляжусь. *(Оправляется перед зеркалом.)* Ничего, все в аккурате. Прощайте-с! Может со мной что неладно будет, так не поминайте лихом!

Круглова. Ты, в самом деле, глупостей-то не затевай.

Ипполит. Никаких глупостей! Однако ж, и так жить нельзя. Давешние слова вашей дочки у меня вот где! *(Ударяет себя в грудь.)* Да вот что! Поберегите это покудова! *(Подает толстый пакет.)*

Круглова. Что это? Деньги?

Ипполит. Деньги-с.

Круглова. Не возьму, не возьму, что ты! Может, это хозяйские?

Ипполит. Не ваше это дело-с! Мои собственные.

Круглова. Еще с тобой в беду попадешь.

Ипполит. Да помилуйте, нетто у меня духу достанет вам неприятное сделать! Я на себя не надеюсь, человек пьяный, отдам вам под сохранение на один час времени. А там мои ли, хозяйские ли, вам все одно.

Круглова. Не возьму.

Ипполит. Эх! Не понимаете вы меня. Я сейчас оставлю у вас деньги, явлюсь к хозяину: так и так, потерял пьяный. Что он со мной сделает?

Круглова. Ишь, что придумал! Нет уж ты меня не путай!

Ипполит. Так не возьмете?

Круглова. Ни за что на свете.

Ипполит. А коли так-с... *(Громко.)* Маланья, ножик!

Круглова. Что ты! Что ты!

Маланья подает нож и уходит.

Ипполит (*берет нож*). Ничего, не бойтесь! (*Кладет нож в боковой карман.*) Только и всего-с.

Круглова. Что от тебя будет, смотрю я.

Ипполит. А вот что-с! У вас рука легка?

Круглова. Легка.

Ипполит. Пожалуйста на счастье! (*Берет руку Кругловой.*) Только всего-с. Прощенья просим. (*Уходит.*)

Круглова. Напрасно мы его давеча подзадоривали на хозяина. Эти головы меры не знают: либо он молчит, хошь ты его бей, либо того натворит, что с ним наплачешься. Пословица-то эта про них говорится: заставь дурака богу молиться, такм себе лоб разобьет. (*Уходит.*)

Сцена 3-я

Лица:

Ахов.
Ипполит.
Феона.

Небольшая комната в доме Ахова, вроде кабинета, мебель дорогая и прочная.

Явление первое

Феона, Ипполит.

Феона. Войди, Аполит, войди!

Ипполит. И то войду. Что хозяин делает?

Феона. Спит покуда. Да хошь бы и не спал, не съест он тебя.

Ипполит. Знаю, что не съест. Толкуй еще!

Феона (вглядываясь). Что это ты, словно...

Ипполит. А что?

Феона. Да не в своем разуме?

Ипполит. Мудреного нет; потому как я запил.

Феона. Слава богу! Есть чем хвастаться.

Ипполит. Ты еще погоди, то ли от меня будет.

Феона. Не удивишь, брат, никого. Давно уж от тебя этого ожидать надо было.

Ипполит. По каким таким приметам?

Феона. Потому задумываться ты стал не в меру.

Ипполит. Это я от любви, от чрезвычайной.

Феона. А от любви разве не запивают, особенно коли неудача, брат?

Ипполит. Мне-то неудача? Не надеюсь; потому, я по этим делам...

Феона. Ну, да ведь уж как же! Держи карман-то шире! И не таких, как ты, молодцов за нос-то водят.

Ипполит. Я даже внимания не возьму говорить-то с тобой об этом.

Феона. Как тебе можно со мной разговаривать! Больно высок стал. Каким чином пожаловали, не слыхать ли?

Ипполит. При чине я все при том же; а про любовь свою никому не объясню; это пуцай в тайне сердца моего останется. Ежели кто может понимать, статья высокая.

Феона. Ну да. Принцеса какая-нибудь, гляди. Уж никак не меньше. А я так полагаю: богатые по богатым разойдутся, умные по умным; а вашему брату валежник останется подбирать.

Ипполит. Ни богатые, ни умные от нас не уйдут.

Феона. Где уйти! Все твои будут, ты всех так и заполонишь. Одна твоя беда, умом ты у нас не вышел.

Ипполит. Это я-то?

Феона. Ты-то.

Ипполит. Я так полагаю, что я никого на свете не глупее.

Феона. Ну, какой в тебе ум? Делом тебе надо заниматься, а ты про любовь в голове держишь. И вся эта мечта твоя ни к чему хорошему не ведет, кроме к пьянству. Сколько еще в тебе, Аполитка, глупости этой самой, страсть! Учат тебя, учат, а все еще она из тебя не выходит.

Ипполит. Ну, все теперь твои наставления к жизни я слышал или еще что у тебя осталось?

Феона. Да ведь что стене горох, что вам слова, все одно; так что и язык-то трепать напрасно.

Ипполит. И как это довольно глупо, что ты говоришь. Ты что видела на свете? Кругом себя на аршин. А я весь круг дела знаю. Какие в тебе понятия к жизни или к любви? Никаких. Разве есть в тебе образование или эти самые чувства? Что в тебе есть? Одна закоренелость, только и всего. А еще ты меня учишь жить, когда я в полном совершенстве теперь и лет, и всего.

Феона. Твое при тебе и останется.

Ипполит. Значит, всей этой материи конец; давай новую начинать! Сердит дяденька?

Феона. Нет, кто его знает, что-то весело брат. Все ходит да смеется.

Ипполит. Что за чудеса!

Феона. Да и то чудеса. Нагнал это сегодня из городу небельщиков, обойщиков; весь дом хочет заново переделывать. Бороду подстриг, сюртук короткий надел.

Ипполит. Что ж, он рехнулся, что ли? Под старость-то, говорят, бесятся.

Феона. Есть что-то у него на уме; только кто его поймет! Темный он человек-то.

Ипполит. Да кому нужно понимать-то его! Пусть творит, что чуднее. У человека умного можно понять всякое дело, потому у него ко всему есть резон; а если у человека все основано на одном только необразовании, значит, он как во сне, кто же его поймет! Да мне уж теперь все одно, как он ни чуди.

Феона. Отчего ж так?

Ипполит. Всему конец, – прощай навек!

Феона. Неужто оставить нас хочешь?

Ипполит. И даже – так, что глаза закроются навек, и сердце биться перестанет.

Феона. Что ты говоришь только! Нескладный!

Ипполит (*печально качая головой*). Черный ворон, что ты вьешься над

моею головой!

Феона. Да батюшки! В уме ли ты?

Ипполит. Всему конец, прости навек.

Феона. Ах, Аполитка, Аполитка, хороший ты парень, а зачем это только ты так ломаешься? К чему ты не от своего ума слова говоришь, – важность эту на себя напускаешь?

Ипполит. Это много выше твоего разума. Есть люди глупые и закоснелые; а другие желают, в своих понятиях и чувствах, быть выше.

Феона. Вот от глупых-то ты отстал, а к умным-то не пристал, так и мотаешься.

Ипполит. Ну, да ладно. Когда дяденька проснется, скажи мне. Всему конец, прости навек! (*Уходит.*)

Явление второе

Феона, потом Ахов.

Феона. Гриша совсем рехнулся, вот и этот на линии, да и старик бесится. Сам рядится, дом отделявает, не нынче, так завтра, того и гляди, петухом запоеет либо собакой залает. Эка семейка приятная! Рассадить их на цепь по разным комнатам, да и любоваться на них ходить. По крайности, дома свой зверинец будет; за деньги можно показывать.

Голос Ахова: «Феона!»

Проснулся чадо-то.

Голос Ахова: «Феона, ты здесь?»

Ну, заблудился никак опять! Здесь.

Ахов выходит.

Ахов. Что ты здесь делаешь?

Феона. Одно у меня дело-то: сидеть да в пустой угол глядеть.

Ахов. Ну, так я тебе другое найду.

Феона. Найди, сделай милость; одуреешь так-то.

Ахов. И чтоб это сейчас, одна нога здесь, а другая там. Ты вот снеси к Дарье Федосевне этот самый презент и скажи: мол, Ермил Зотыч приказали вам отдать в знак вашей ласки! Слышишь? Ты так и скажи: в знак вашей ласки! Ну, как ты скажешь, старая?

Феона. Молодой! Авось не проповедь какая! Умею сказать-то!

Ахов. Да, может, они без внимания возьмут, так ты заставь их рассмотреть хорошенько.

Феона. Да уж рассмотрим, рассмотрим; только давай!

Ахов (*отдает коробочку*). Ты их тычь носом-то хорошенько, чтоб чувствовали, что это, мол, денег стоит.

Феона. Ну, еще бы.

Ахов. Тысячи стоит. Сами-то вы того, мол, не стоите, что вам дарят.

Феона. Ну, да уж как же!

Ахов. Кажется, мол, можно чувствовать! Может, не почувствуют, так ты им объясни: что вот купил я, деньги бросил большие, так чтоб знали они... Что можно им дрянь какую подарить, и то они очень довольны будут, а что я вот что... Так чтоб уж... ну, в ноги не в ноги, а чтоб было в них это чувство: что вот, мол, как нас... чего мы и не стоим! Ты пойми! Чтоб я недаром бросил деньги-то, чтоб видел я от них, из лица из их, что я вот их вроде как жалую свыше всякой меры. А то ведь жалко денег-то, ежели так, безо внимания. Может, они в душе-то и почувствуют, да ежели не выкажут, так все одно, что ничего. А чтоб видел я в них это самосознание, что нестоющие они люди, и что я вот кому хочу, тому и даю, не взирая.

Феона. Да уж пойдем, пойдем.

Ахов. А ежели начнут у тебя про меня спрашивать, выведывать что, так ты все к лучшему, я так меня рекомандуй, что я очень добрый. А ежели что про семью знают, так говори, что все от детей, что разбойники, мол, уродились; характером, мол, не в отца, а в мать, покойницу.

Феона. Ну, уж не в мать.

Ахов. Ты чей хлеб ешь? Какое ты свое рассуждение иметь смеешь? Коли я тебе даю приказ, должна ты его исполнять?

Феона. Да уж хорошо.

Ахов. Ну, и все, и ступай!

Феона. Аполит у нас повредился.

Ахов. А кому печаль? Пуцай его. Что ты мне об нем рассказываешь, коли я тебя не спрашиваю? Может, я не хочу его и в мыслях держать? Он теперича мне и вовсе не нужен. Я все дела кончаю, фабрику сдаю канпаньону, так, значит, на что ж мне Ипполит. Прогоню его, вот и конец. Нешто я долго с ним разговаривать стану? Эка велика птица твой Ипполит! Очень мне нужда до него! Ты свое дело делай, что тебе приказано, а с хозяином разговаривать не лезь, чего тебя не спрашивают. Очень мне интересно! Тебя с разговорами-то и по затылку можно. Пошла!

Феона. Иду.

Ахов. Стой! Слышишь ты! Коли спросят, рекомандуй меня так, что я самый добрый человек. Феона. Слушаю. *(Уходит.)*

Ахов. Ипполита я сейчас же с двора долой. Потому мне теперь в доме таких скакунов держать не приходится. Больно они подлецы, с бабами ласковы. И говорит-то с молодой бабой девкой не так, как с прочими людьми. Язык-то свой точно петлей сделает, – так и опутывает, так и захлестывает, мошенник. А бабам-то любо; и скалят, и скалят зубы-то на их рассказы. Я Ипполитку и к двору-то близко не подпущу. Они ведь, оглашенные, благодетелев не разбирают, им все одно. А тут это родство

дальнее, десятая вода на киселе, еще хуже. Будь она ему просто хозяйка, он бы в другой раз и подойти не смел; а тут «тетенька» да «тетенька». Да этак, глядя на них, в чахотку придешь. Нет, шабаш! С двора его долой!

Входит Инполит.

Явление третье

Ахов, Ипполит.

Ахов. Ты зачем?

Ипполит. К вам, дяденька-с.

Ахов. Как же ты смеешь, коли я тебя не звал!

Ипполит. Стало быть, мне нужно.

Ахов (строго). А мне не нужно, так поди вон!

Ипполит. Но, однако, я желаю...

Ахов. Поди вон, говорят тебе!

Ипполит. Но, позвольте-с! Коль скоро я пришел...

Ахов. Коль скоро ты пришел, толь скоро и уйдешь.

Ипполит. Я не с тем, чтоб... а как собственно...

Ахов. Долго ты будешь разговаривать? Знай свое место, контору! Как ты смеешь лезть к хозяину! Разве у меня только делов-то, что ты? Видел я твою образину сегодня, и будет с меня! Значит, поди вон без разговору!

Ипполит. Нет, уж это надо оставить. Коль скоро я пришел, так уж вон не пойду.

Ахов. А вот я тебя за вихор.

Ипполит. Не то что за вихор, пальцем тронуть не позволю.

Ахов. Как! Ты бунтовать?

Ипполит. Хоша бы и бунтовать. Потому, главная причина, на это закон теперь есть и права.

Ахов. Какой для тебя закон писан, дурак? Кому нужно для вас, для дряни, законы писать? Какие такие у тебя права, коли ты мальчишка, и вся цена тебе грош? Уж очень много вы о себе думать стали! Написаны законы, а вы думаете это про вас. Мелко плаваετε, чтобы для вас законы писать. Вот покажут тебе законы! Для вас закон – одна воля хозяйская, а особенно когда ты сродственник. Ты поговорить пришел, милый? Ну, говори, говори, я слушаю; только не пеняй потом, коли солоно придется. Что тебе надо?

Ипполит. Я насчет жалованья.

Ахов. Какого жалованья? Ты по какому уговору жил?

Ипполит. Кто ж теперь себе враг, чтоб стал даром служить?

Ахов. Таки не служи, кто тебя держит. Оно и пристойней тебе будет самому убраться, пока тебя в три шеи не прогнали.

Ипполит. А это, что я жил, значит, втуне?

Ахов. Да разве ты за деньги жил? Ты жил по-родственному.

Ипполит. А работал?

Ахов. Еще бы тебе не работать! На печи, что ль, лежать? Ты по-родственному служил, я по-родственному помогал тебе, сколько моей к тебе милости было. Чего ж еще тебе?

Ипполит. Но напередки я на таком положении жить не согласен.

Ахов. Да напередки мне тебя и не нужно. Отдай завтра отчет и убирайся.

Ипполит. За всю мою службу я должен слышать от вас одно, что убирайся.

Ахов. Не хочешь убираться, так жди, пока метлами не прогонят. Это твоя воля.

Ипполит. А награждение-с?

Ахов. Ну, это я еще подумавши. За что это награждение? За грубости-то? Вас дяденька вон приглашают – а вы нейдете. И за это вам награждение?

Ипполит. Однако, обещали.

Ахов. Обещал посулить, да теперь раздумал. Аль ты мало наворовал, что награждения просишь?

Ипполит. Этому я не подвержен и морали брать на себя не хочу.

Ахов. Связался я с тобой говорить; а говорить мне тошно. Либо ты глуп, либо ты меня обманываешь. Русской пословицы ты не знаешь: воруй да концы хорони? Не знаешь? Поверю я тебе, как же! А коли, в самом деле, ты, живя у меня, ничего не нажил, так кто ж виноват! Цена вам, брат, всем одна, Лазарем ты мне не прикидывайся! На честность твою я, брат, не расчувствуюсь, потому ничем ты меня в ней не уверишь. Отчего вам хозяева мало жалованья дают? Оттого, что сколько тебе ни дай, ты все воровать будешь; так хоть на жалованье хозяину-то выгоду соблюсти. А награждением вас, дураков, манят, чтоб вы хоть немножко совесть помнили, поменьше грабили.

Ипполит. Значит, вы, дяденька, и сами обманываете и желаете, чтоб вас обманывали? Жаль, поздно сказали. Но я был совсем на других правилах и по тому самому считаю за вами, по крайности, тысяч пятнадцать.

Ахов. Считай больше, считай больше, уж все одно. Двух грошей медных я тебе, милый, не дам. Что я за дурак!

Ипполит. За всю мою службу мне от вас такой результат?

Ахов. Это что еще за слово дурацкое! Ты меня словами не удивишь!

Ипполит. Я не словами, я вам делом докажу, сколь много я против вас

благороднее.*(Подает Ахову деньги.)*

Ахов. Ты это по векселям получил?

Ипполит. По векселям-с.

Ахов. Какое же тут твое благородство, коли это твоя обязанность?

Ипполит. Ваша обязанность мне за службу заплатить, а вы не платите, все одно и я на тех же правах. Деньги под сокрытие, а вам доложить, что потерял их, пьяный...

Ахов. Об двух ты головах, что ли?

Ипполит. Дело обмозговано, страшного нет-с. Даже, может, с адвокатами совет был. Действуй, говорят, оправим. Но не беспокойтесь, я сейчас рассудил, что не ко времени мне деньги. Потому, все тлен. Мне уж теперь от вас ничего не нужно; будете силой навязывать, так не возьму. Во мне теперь одна отчаянность действует. Был человек, и вдруг стала земля... значит, на что же деньги? Их с собой туда не возьмешь.

Ахов. Это правда, что не возьмешь. Только, ежели тебя связать теперь, так я полагаю, что дело будет вернее.

Ипполит. Теперича уж поздно меня вязать.

Ахов. Нет, я думаю, самое время.

Ипполит. Ошибетесь.

Ахов. Неужели? А что же ты сделаешь?

Ипполит *(вынимает из кармана нож).* А вот сейчас – раз! *(Показывает на свою шею.)* Чик – и земля.

Ахов *(в испуге).* Что ты делаешь, мошенник! Что ты, что ты! *(Топает на одном месте ногами.)*

Ипполит. Глаза закроются навек, и сердце биться перестанет.

Ахов. Вот я тебя! Вот я тебя! *(Топает.)*

Ипполит. Чем вы меня, дяденька, испугать можете, коли я сам своей жизни не рад. Умерла моя надежда, и скончалась любовь – значит, всему конец. Ха-ха-ха! Я теперича жизнь свою жертвую, чтобы только люди знали, сколь вы тиран для своих родных.

Ахов. А вот я людей кликну да за полицией пошлю.

Ипполит. Невозможно. Потому, ежели вы с места тронетесь или хоть одно слово, я сейчас – чик, и конец.

Ахов. Что же ты со мной делаешь, разбойник? Ипполит, послушай! Послушай ты меня: поди разгуляйся, авось тебя ветром обдует. *(Про себя.)* С двора-то его сбить, а там режься, сколько душе угодно!

Ипполит. Нет, дяденька, эти шутки надо вам оставить; у нас с вами всурьез пошло.

Ахов. Всурьез?

Ипполит. Всерьез.

Ахов. Ну, а коли всерьез, так давай и говорить серьезно. А я думал, ты шутишь.

Ипполит. Стало быть, мне не до шуток, когда булат дрожит в моей руке.

Ахов. Что ж тебе от меня нужно?

Ипполит. Разочтите, как следует.

Ахов. Как следует? Мало ли, что тебе следует? Ты говори толком.

Ипполит. Вот и весь будет толк! *(Вынимает из кармана бумагу.)*
Подпишите!

Ахов. Что ж это за бумага? К чему это?

Ипполит. Аттестат.

Ахов. Какой такой аттестат?

Ипполит. А вот: что, живши я у вас в приказчиках, дело знал в точности, вел себя честно и благородно даже сверх границ.

Ахов. Все это тут и прописано?

Ипполит. Все и прописано. Жалованья получал две тысячи в год.

Ахов. Это когда же?

Ипполит. Так только, для видимости. Ежели я к другому месту...

Ахов. Да? Людей обманывать? Ну, пуцай. Ничего – можно.

Ипполит. И по окончании, за свое усердие, выше меры, награждение получил пятнадцать тысяч...

Ахов. Тоже для видимости?

Ипполит. Нет, уж это в подлинности.

Ахов. Да что в подлинности-то? Рублев пятьсот, чай, за глаза?

Ипполит. Все полным числом-с.

Ахов. Нет, уж это, брат, шалишь!

Ипполит. Ежели вы опять за свою политику, так ведь кот он!
(Показывает нож.) Сейчас-чик, и конец!

Ахов. Да что ты все – чик да чик! Наладил!

Ипполит. Отчаянность!

Ахов. Тысячу рублей – и шабаш! Давай подпишу.

Ипполит. Ежели мне моя жизнь не мила, так разве от тысячи рублей она мне приятней станет? Мне жить тошно, я вам докладывал; мне теперь, чтоб опять в настоящие чувства прийти, меньше пятнадцати тысяч взять никак невозможно потому мне надо будет себя всяческими манерами веселить.

Ахов. Ну, грех пополам! Давай руку!

Ипполит. Давайте пятнадцать тысяч без гривенника, и то не возьму.

Ахов. Этакую силу денег? За что?

Ипполит. За десять лет. Чужому бы больше заплатили.

Ахов. Само собой, что больше, да не вдруг. А вдруг-то жалко. Пойми! Пойми!

Ипполит. Извините, дяденька! Я теперь не в себе, понимать ничего не могу.

Ахов. Ну, возьми половину, а остальные завтра. Жаль мне вдруг-то. Понял?

Ипполит. Я вам говорю, что понимать ничего я не в состоянии, значит, пожалуйста все сейчас!

Ахов. Ну, что с тобой делать! Давай бумагу!

Ипполит подает бумагу. Ахов подписывает.

Бери деньги! Да только ты чувствуй это! (*Отсчитывает из денег, принесенных Ипполитом.*)

Ипполит (*берет деньги и бумагу*). Покорно вас благодарю.

Ахов. Благодарю хорошенько!

Ипполит. Чувствительнейше вам благодарен.

Ахов. Поклонись в ноги, братец!

Ипполит. Это уж зачем же-с?

Ахов. Сделай милость поклонись, потешь старика! Ведь ты мне какую обиду, какую болезнь-то сделал! А поклонись, все мне легче будет.

Ипполит. За свое кланяться, где же это видано.

Ахов. Ну, я тебя прошу, сделай ты мне это почтение! Авось у тебя спина-то не переломится?

Ипполит. Нет, право, дяденька, что-то стал чувствовать; к погоде, что ли, лом стоит, никак не согнешься.

Ахов. Разбойник ты, разбойник! Врешь ведь ты! Тебе ж хуже; не кланяйся родным-то, так и счастья не будет ни в чем.

Ипполит. Ну, уж мой грех, на себя и плакаться буду.

Ахов. Будешь, будешь. Мне твоя эта непокорность тяжелей, чем эти самые пятнадцать тысяч.

Ипполит. Что ж делать, дяденька, я и сам не рад, да не могу-с, потому к погоде, что ли...

Ахов. Ну, скажи ты мне теперь, на что тебе эти деньги. Ведь прахом пойдут, промотаешь.

Ипполит. Оченно много ошиблись, я жениться хочу.

Ахов. Дело недурное; только ведь хорошую за тебя не отдадут. Разве

по мне? Что дядя у тебя знаменит везде...

Ипполит. Надо думать, что по вас.

Ахов. Где же ты присвататься думаешь?

Ипполит. Чтоб далеко не ходить, тут, по соседству-с.

Ахов. Да тут, по соседству, нет.

Ипполит. Ежели поискать хорошенько, так найдется. Вот Круглова Агничка... Но сколь мила девушка!

Ахов. Ах ты, обезьяна! Ты у кого спросился-то?

Ипполит. Что мне спрашивать, коли я сам по себе.

Ахов. Да она-то не сама по себе. Ах ты, обезьяна.

Входит Феона.

Явление четвертое

Ахов, Ипполит, Феона.

Ахов. Ну, что?

Феона. Приняли, благодарить приказали.

Ахов. Рады, небось?

Феона. Еще бы! Ведь денег стоит. Придешь, так, глядика, как благодарить станут. Агничка так и скачет, как коза.

Ипполит (Феоне). Зачем же это они такой моцион делают-с?

Феона. Запрыгаешь, как Ермил Зотыч подарок ей тысяч в пять отвалил.

Ипполит. Ежели только они пошлина деньги, нет слов, я убит.

Ахов (Феоне). Подай шляпу!

Феона (подавая шляпу). Ты не убит, а поврежденный в уме.

Ахов (Ипполиту). Бери шапку, пойдем! Я тебе всю твою глупость, какова она есть, как на ладони покажу.

Ипполит. Дяденька! Но куда вы меня ведете?

Ахов. К Кругловой.

Ипполит. Это значит, на лютую казню. Лучше расскажите меня здесь; но не страмите.

Ахов (берет его за руку). Нет, пойдем, пойдем!

Все уходят.

Сцена 4-я

Лица:

Круглова.

Агния.

Ахов.

Ипполит.

Маланья.

Декорация первой сцены.

Явление первое

Круглова, Агния (выходят из другой комнаты).

Круглова. Однако дело-то до большого дошло. Вот он какими кушами бросает; тут уж не шуткой пахнет.

Агния. Думать долго некогда, надо решать сейчас.

Круглова. Легко сказать: решать! Ведь это на всю жизнь. А ну, мы этот случай пропустим, а вперед тебе счастья не выйдет; ведь мне тогда терзаться-то, мне от людей покоры-то слышать. Говорят, не в деньгах счастье. Ох, да правда ли? Что-то и без денег-то мало счастливых видно. А и то подумаешь: как мне тебя на муку-то отдать? Другая бы, может, еще и поусумнилась: «может, дескать, ей за ним и хорошо будет. – может, он с молодой женой и переменится». А у меня уж такого сомнения нет, уж я наперед буду знать, что на верную тебя муку отдаю. Как же нам быть-то, Агничка?

Агния. Почему я знаю! Что я на свете видела!

Круглова. Да ведь твое дело-то. Что тебе сердчишко-то говорит?

Агния. Что наше сердчишко-то! На что оно годится? На шалости. А тут дело вековое, тут либо счастье, либо горе на всю жизнь. У меня, как перед бедой перед какой, я не знаю, куда сердце-то и спряталось, где его и искать-то теперь. Нет, маменька! Видно, тут, кроме сердчишка-то, ум нужен; а мне где его взять!

Круглова. Ох, и у меня-то его немного.

Агния. А вот что, маменька! Я никогда к вам не ластилась, никогда своей любви к вам не выказывала; так я вам ее теперь на деле докажу. Как вы сделаете, так и хорошо.

Круглова. Что ты, дочка! Так уж ничего мне и не скажешь?

Агния. Что мне говорить-то? Только путать вас! Вы больше жили, больше знаете.

Круглова. А бранить мать после не будешь?

Агния. Слова не услышите.

Круглова. Ах ты, золотая моя! Ну, так вот что я тебе скажу: как идти мне сюда, я у себя в спальне помолилась, на всякий случай: вот, помолившись-то, и подумаю.

Агния. Подумайте, подумайте; а я ожидать буду себе...

Круглова. Что тебе долго ждать-то, мучиться?..

Агния. Погодите, погодите, я зажмурю глаза. (*Зажмуривает глаза.*)

Круглова. Хотя весь свет суди меня, а я вот что думаю: мало будет убить меня, если я отдам тебя за него.

Агния. Ох, отлегло от сердца.

Круглова. Потому как ни мало я сама страдала, и ежели взять старого или молодого, какая разница!.. Одно дело...

Агния. Ну, довольно, довольно! Уж я знаю, что вы скажете. (*Целует мать.*)

Круглова. А все-таки я рада, что он... Хотя посмеюсь вволю.

Входит Маланья.

Явление второе

Круглова, Агния, Маланья.

Маланья. Дединька сединький и с ним этот... как его, бишь... беловатый?

Агния. Не черный ли?

Маланья. И то; никак черный.

Круглова. Кто же это? Неужели Ипполит?

Маланья. Да он и есть... самый... Мне вдруг-то... затмило...

Круглова. Вот чудо-то! Вместе?

Агния. А вот увидим.

Маланья уходит. Входят Ахов и Ипполит.

Явление третье

Круглова, Агния, Ахов, Ипполит.

Ахов (*чинно раскланиваясь*). Здравствуйте! Опять здравствуйте!

Круглова. Пожалуйте, пожалуйста!

Ахов. Получили?

Круглова. Покорно благодарим, Ермил Зотыч.

Агния молча кланяется.

Покорнейше благодарим! Уж больно ты расщедрился! По нас-то уж это и дорого, кажись. (*Кланяется.*) Напрасно беспокоились.

Ахов (*очень довольный*). Хе, хе, хе! Как так напрасно?

Круглова. Да ведь, чай, дорого заплатил?

Ахов. Что ты мне поешь? Кому дорого, а мне нет. зорил я себя, не дом каменный вам подарил! Дрянь какую-то прислал, а ты уж и разохалась, что дорого.

Круглова. А коли для тебя дрянь, так нам же лучше; не так совестно принять от тебя.

Ахов. Совесть еще какую-то нашла! Чудно мне на вас! (*Указывает на Ипполита.*) Вот не жалуйтесь, что я его давеча прогнал, я его сам привел.

Круглова. Благодарим покорно! Прошу садиться!

Ахов. Он теперь важный человек стал; свои капиталы имеет.

Круглова. Да ведь и пора уж.

Ахов. А вы как об нем думали? Вы ведь, поди, чай, то же, что и все добрые люди, думали, что он мальчишка, никакого внимания не стоящий? Нет, уж теперь подымай выше!

Круглова. Да будет тебе его!.. Что в самом деле!

Ахов. А для чего ж я его с собой и взял-то! Без дураков ведь скучно. В старину хоть шуты были, да вывелись. Ну, и пущай он нас, заместо шута, тешит. А коль не хочет в этой должности быть, зачем шел? Кто его здесь держит?

Ипполит. Мне идти некуда-с. От вас обида мне не в диковину. А уж я подожду, когда здешние хозяйки меня полным дураком поставят, чтоб уж вдосталь душа намучилась.

Ахов. Ну, вот слышишь? Да коли вы хотите смеяться, так я вас не так

рассмешу. Он жениться хочет. Нет ли у тебя невесты, Дарья Федосевна?

Круглова. Одна у меня невеста, другой нет.

Ахов. Не посадить ли нам их рядом?

Круглова. Отчего ж не посадить.

Ипполит. Помилуйте, за что же такие насмешки-с?

Агния (*тихо*). Садитесь, нужды нет.

Садятся рядом.

Ахов. Чем не пара?

Круглова. Да и то.

Ахов (*Ипполиту*). Посидел с невестой? Ну, и будет, пора честь знать.

Ипполит. Отчего же так-с?

Ахов. Оттого, что эта невеста слишком хороша для тебя, жирно будет.

Ипполит. Ничего не жирно-с; по моим чувствам, в самый раз.

Ахов. А ты у ней прежде спроси: нет ли у нее жениха получше тебя!
(*Агнии.*) Говори, не стыдись!

Агния. Это как маменьке угодно.

Ахов. Что тут маменька! У ней, у старой, чай, от радости ушки на макушке.

Круглова. Не знаю, батюшка, Ермил Зотыч, об чем ты говоришь.

Ахов. Как, не знаешь? Ты сыми маску-то, сыми! (*Указывая на Ипполита.*) Ты его, что ли, совестишься? Так он свой человек; да и есть он тут или нет его, это все одно, по его ничтожеству. Сыми маску-то! Тебя ведь уж давно забирает охота мне в ноги кланяться, а ты все ни с места.

Круглова. Отчего не кланяться! Да за что? За какие твои милости?

Ахов (*сердито*). Не вовремя, да и не к месту твои шутки. Аль ты от радости разум потеряла? Стар уж я шутить-то надо мной.

Круглова. Да мы не шутим.

Ахов. От меня поклону ждешь, так не дожدهшься. Что ты, как статуя, стоишь! Головы у вас в доме нет, некому вас прибодрить-то хорошенько, чтобы вы поворачивались попроверней. Кабы муж твой был жив, так вы бы давно уж метались по дому-то, как кошки угорелые. Что вы переминаетесь? Стыдно тебе кланяться, так не кланяйся; а все ж таки благослови нас как следует. Будешь икону в руках держать, так и я тебе поклонюсь, дожدهшься этой чести.

Круглова. Благословить-то не долго; только ты спроси, подымутся ль руки-то у меня! Я вот как рассудила, Ермил Зотыч; если дашь ты мне подписку, что умрешь через неделю после свадьбы, – и то еще я подумаю

отдать дочь за тебя.

Ахов. Что вы! Нищие, нищие, одумайтесь! Ведь мне только рассердиться стоит да уйти от вас, так вы после слезы-то кулаком станете утирать. Не вводите меня в гнев!

Круглова. Сердись ты или не сердись, – твоя воля.

Ахов. Что с тобой? Тут чуда нет ли какого? Не упал ли тебе миллион с неба? Нет ли у тебя жениха богаче меня? Только ведь одно.

Круглова. Нет, не одно. Женихов у нас нет. Есть один парень на примете; только подняться ему, бедному, нечем. Кабы было у него дело верное, так отдала бы, не задумалась.

Ипполит (*отдает Кругловой деньги*). А вот позвольте вам предоставить для сохранности. Я нынче за всю службу гуртом получил-с. Теперь своим делом могу основаться-с.

Круглова. Ну, и чего ж еще лучше! Да тут много что-то.

Ипполит. Копейка в копейку пятнадцать тысяч.

Агния. Теперь можно и помириться с вами.

Ахов. Так вот на какие деньги вы пировать-то собираетесь! Вот на какие деньги польстились! Эти деньги чуть не краденые. Он у меня их сегодня выплакал да выкланял.

Ипполит. Не выкланял, а вытребовал, что должное за службу свою.

Ахов. Да тебе бы и в живых-то не быть. От напрасной смерти я тебя спас. Вижу, человек резаться хочет...

Ипполит. Помилуйте, дяденька, что вы! Как можно резаться?

Ахов. Так бы и зарезался. Ты как чумовой стал, перепугал меня до смерти.

Ипполит. Что вы, дяденька! Какой мне расчет резаться в моих таких цветущих летах?

Ахов. А зачем у тебя ножик был? Зачем ты его к горлу приставлял?

Ипполит. Игра ума.

Ахов. Разбойник! (*Хочет взять его за ворот.*)

Ипполит (*отстраняя его*). Позвольте-с! Чем я разбойник? Я чужого ни копейки. А нешто я виноват, что от вас добром не выпросишь!

Ахов. Не будет тебе счастья, не будет.

Ипполит. Что ж делать! Как-нибудь и без счастья одним уменьем проживем, дяденька.

Ахов. Не проживешь! Не проживешь! У тебя нету ни отца, ни матери, я тебе старший; я тебя прокляну; на внуках и правнуках отзовется.

Круглова. Полно! Что ты бога-то гневишь?

Ахов (*Агнии*). Брось ты его! Что в нем хорошего? Мать у тебя глупа,

растолковать тебе не может. Я лучше его; я добрый, ласковый. Денег-то у меня что тебе на наряды. Дом-то у меня какой! Большой, каменный, крепкий.

Агния. И крепка тюрьма, да кто ей рад!

Ахов. Ты тоже, видно, в мать уродилась! Ума-то у тебя столько же, что и у ней. *(Кругловой сквозь слезы.)* Федосевна, пожалей ты меня! Ведь я сирота, в этаким-то доме один я путаюсь, даже страх находит.

Круглова. Что тебя жалеть! Ты с деньгами себе всегда компанию найдешь, коли захочешь.

Ахов. Найдешь компанию! Спасибо, что надоумила! Знаю, что найду. Не ей чета, и красивее ее найду. Ты думаешь, я в самом деле, что ль, влюблен? Тьфу. Одно мне больно, одно обидно: непокорность ваша. Ведь я почетный, первостатейный, ведь мне все в пояс кланяются; а в этаким лачуге мне почету нет! Мне!! От вас!! Непокорность!! Курам на смех! Видано ль, слыхано ль? Хорошо ты сделала? Хорошо? Очувствуйся! Встряхни головой-то! Ведь это ты от глупости, а не от ума. Вы все одно, что в лесу живете, свету не видите. В такую лачугу, коли зашел наш брат, именитый человек, – так он там как дома; а то ему и ходить незачем; а хозяин-то, как слуга: «что угодно; да как прикажете?» Вот как от начала мира заведено, вот как водится у всех на свете добрых людей! Это все одно, что закон. А вы, дураки непросвещенные, одичали, тут живши-то. *(Кругловой.)* И сердиться-то на тебя нельзя, и взыскать-то с тебя нечего; потому ты никаких настоящих порядков не знаешь. Как ты живешь! День да ночь, и сутки прочь. У тебя все одно: что богатый, что бедный, что мануфактур, что шатун! Невежество! У тебя для всех один резон, один разговор! А ты возьми, что значит образование-то: вчера ко мне благородная просить на бедность приходила; так она языком-то, как на гусях, играла. Превосходительством меня называла, в слезы ввела. А ты что? Дуб. С тебя взыску нет. Сам виноват. Кабы ты знала, что такое уважение, что такое честь...

Круглова. Как чести не знать.

Ахов. Оно и видно, что ты ее знаешь! Была у вас честь да отошла. Делая я вам честь, бывал у вас; так у вас и в комнатах-то было светлей, оттого только, что я тут. Была бы вам честь, кабы дочь твоя купчихой Аховой называлась. Вот это честь! Я брошу вас, и опять в потемках жить будете. А то честь! Да вам всю жизнь не узнать, в чем она и ходит-то.

Круглова. Ну, довольны ты пел. Теперь меня послушай. Хочешь ты у нас гостем быть, так садись; а то так нам не мешай. Не порти ты нашу бедную, чистую радость своим богатым умом!

Ахов. Да ты, никак, забылась! Гостем? Что ты мне за комиания! Я таких-то, как ты, к себе дальше ворот и пускать не велю. А то еще гостем! Не умели с хорошими людьми жить, так на себя пеняй! Близко локоть-то, да не укусишь? (*Уходит в переднюю и сейчас возвращается.*) Да нет, стой! Ты меня с толку сбила. Как мне теперь людям глаза показать? Что обо добрые люди скажут?..

Круглова. Не плакать же нам об этом, батюшка Ермил Зотыч.

Ахов. Нет; ты виновата, ты и поправляй.

Круглова. Палец об палец для тебя не ударю, батюшка Ермил Зотыч. Вот как ты мне сладок.

Ахов. Да не даром – за деньги, за большие деньги. Угоришь.

Круглова. Что ж такое за дело у тебя? Что за ворожба будет?

Ахов. С ними я говорить не хочу. Я их презрил. Ниже каблука своего считаю, вот где. А с тобой разговор заведем. Ведь, чай, тебе нужно и приданое? Не так отдашь, в чем она есть? Нужно приданое?

Круглова. Как не нужно, конечно, нужно.

Ахов. Так вот слушай! Чтобы этот разговор нарушить, что мне вы, ничтожные люди, нос утерли, мы будем ладить такую статью, что я Ипполитку женю.

Круглова. Что ж, это пожалуй.

Ахов. Обед у меня после свадьбы, какой не слыхано. И Фомина и всех цветами ограблю, по всем комнатам постановка будет. Две музыки, одна в комнатах, другая на балконе для зрителей. Официанты в штиблетах. Эффект?

Круглова. Эффект.

Ахов. Опосля всего Ипполитке награждение свыше меры. Не веришь, так за руки отдам... И вперед тебе на приданое...

Круглова. Да что дальше-то?

Ахов. А вот какой уговор! Жених с невестой, как из церкви, вся шестерня серых, как к воротам, – стой! А в ворота чтоб не въезжать! И сейчас им дворник по метле; и чтоб вымели они до крыльца... Ты не бойся, чисто будет, еще до них все выметут. А они чтоб только пример показали. А я с гостями буду на балконе стоять. Вот тогда я вас прощу и в честь вас произведу. И будете вы у меня промежду всеми гостями все равно, что равные. Круглова. Да осыпь ты меня золотом с ног до головы, так я все-таки дочь свою на позорище не отдам.

Ахов. Не отдашь?

Круглова. Не отдам.

Ахов. Ну, так грязь грязью и останется; и будьте вы прокляты отныне и до века! Как жить? Как жить? Родства народ не уважает, богатству

грубить смеет! Дядя говорит: поклонись по-родственному! Не хочу. Ну, поклонись ты, нищий, хоть за деньги! Не хочу. Умереть уж лучше поскорей, загодя. Все равно ведь, разве свет-то на таких порядках долго простоит. А как отцы-то жили! Куда они делись, те порядки, старые, крепкие? Разврат, что ли, в мире пошел? Так его и прежде, пожалуй, еще больше было! Бес, что ли, какой промежду людьми ходит да смущает их? Отчего вы не лежите теперь в ногах у меня по-старому; а я же стою перед вами весь обруганный, без всякой моей вины?

Круглова. Оттого, Ермил Зотыч, говорит русская пословица, что не все коту масленица, бывает и великий пост. (*Обнимает Инполита и Агнию.*)